

*К.В. Сазонова,
студентка Института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
Н.Н. Беклемешева,
доцент кафедры языкознания и переводоведения,
Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация*

ВАРЬИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОЙ И ОБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В СТРАТЕГИИ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Работа посвящена изучению стратегии хеджирования с позиции субъектной и объектной (бессубъектной) перспектив. Предметная сфера данного исследования ограничена английским и русским языками. Отбор хедж-маркеров для формирования эмпирического корпуса осуществлялся на материале публичных выступлений и дебатов политических деятелей, открытых лекций и панельных дискуссий по научным вопросам. При анализе хеджей учитывался тип дискурса, коммуникативное намерение автора и способы его реализации, а также индивидуальные особенности личности говорящего.

Ключевые слова: хеджирование, хедж-маркеры, функции хеджей, субъектная и объектная перспективы хеджирования.

*Kristina V. Sazonova
student of Institute of Foreign Languages,
Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Natalia N. Beklemesheva,
Associate Professor of Department
of Linguistics and Translation Studies,
Moscow City University, Moscow, Russian Federation*

SUBJECTIVE AND OBJECTIVE PERSPECTIVES IN HEDGING STRATEGY. ENGLISH POLITICAL AND ACADEMIC TYPES OF ORAL DISCOURSE

Abstract. The paper focuses on different perspectives of hedging in English and Russian communication strategies. The empirical corpus is compiled from the scripts of politicians' and academics' public performances. The findings show that the choice of

hedges is defined by discourse type, format of speech, ethnic, gender characteristics, status and personal qualities of the communicator.

Key words: hedging, hedge functions, subjective and objective modality.

Основная цель коммуникации, как известно, заключается в достижении «положительного» коммуникативного акта, который включает в себя обмен информацией в условиях благоприятной обстановки, однако в процессе межкультурной коммуникации вероятность данных конфликтных ситуаций достаточно высока [1; 2]. В процессе коммуникации участники общения также осуществляют речевое воздействие на сознание друг друга с целью формирования мнения, корректировки поведения, иными словами, достижения цели коммуникации. Для реализации этих задач используются различные средства и стратегии, одной из которых является хеджирование. Термин *хеджирование*, впервые введённый в лингвистику Дж. Лакоффом, подразумевает некоторую «неопределённость выражения мысли» с использованием слов, функция которых заключается в том, чтобы «представить вещи более или менее неясными» [4, с. 471].

Приёмы хеджирования способствуют снижению категоричности высказывания, в том числе и оценки, что помогает установить контакт между собеседниками, избегая давления [3; 4; 5].

Анализ практического материала показал, что выстраивание коммуникации в рамках субъектной и объектной (бессубъектной) перспектив призвано реализовать следующие функции хеджирования: *некатегоричность, субъективную оценку, оценку вероятности, функцию личного присутствия, функцию сокращения коммуникативной дистанции с собеседником, функцию «манипулирования» собеседником, а также эвиденциальность* (ссылка на источник информации).

Материалом исследования стали микротексты с хеджами устно-разговорного жанра, которые были отобраны из различных видов устного дискурса: политического, академического, а именно: политических дебатов, публичных выступлений, лекций и панельных дискуссий. Это объясняется тем, что именно в академическом и в политическом пространстве стратегия хеджирования проявляется и реализуется наиболее ярко. Умение представить информацию максимально некатегорично, без давления на собеседника, а также установить контакт с аудиторией в данных сферах общения является приоритетной коммуникативной стратегией для достижения цели общения.

Поскольку различия в стратегиях хеджирования, как хорошо известно, являются культурно-обусловленными, в качестве эмпирического материала исследования были отобраны выступления как русскоязычных, так и англоязычных политиков и представителей академического сообщества.

В ходе анализа выступлений политиков было выявлено, что многие из них предпочитают выстраивать процесс коммуникации, подчеркивая факт своего **«присутствия»** в ходе общения (использование местоимений *I, we / я, мы*), **указывая на субъективность оценки** (*I think vs Я считаю / полагаю*) и **сокращая коммуникативную дистанцию** с аудиторией с помощью элементов диалогизации (*I'll tell you vs Можно ли сформулировать содержание без слов?*), что традиционно считается субъектной перспективой коммуникации. В данном случае адресант не претендует на то, что его информация является безусловно истинной, представляя ее как личную точку зрения, вовлекая адресата в процесс обсуждения.

Наряду с этим, в политических дебатах коммуниканты стремятся расставить акценты на наиболее важных (с точки зрения говорящего) элементах информации (с помощью «интенсификаторов»: *actually, basically specially, most significantly, фактически, действительно, именно, по сути дела*), что подразумевает «манипулирование» адресатом и также относится к субъектной перспективе коммуникации.

Анализ публичных выступлений показал, что политики также используют приемы хеджирования в рамках бессубъектной перспективы, которая предполагает проявление некатегоричности через представление информации как максимально объективной. Данный эффект достигается с помощью отказа от употребления личных местоимений в речи. В русском языке эта задача решается с помощью *безличных конструкций и пассивного залога*, в английском языке – с помощью *пассивных структур и предложений с формальным подлежащим (there / it)*. Объективизация в русском и английском языках достигается с помощью *эпистемической модальности (модальных глаголов (might, could), наречий вероятности (probably, possibly))*. К объективизации процесса коммуникации также можно отнести намерение говорящего представить информацию как общеизвестный факт (с помощью наречий *traditionally, historically*), ссылаясь на источник информации и снимая с себя таким образом ответственность за достоверность представляемых фактов. Другими словами, в рамках объектной перспективы хеджирование выполняет следующие функции: *некатегоричность, оценку вероятности, эвиденциальность*.

В процессе исследования особенностей хеджирования в политическом дискурсе было принято решение производить отбор речевых единиц, исходя не из абсолютной частотности слова (хеджа), а его частотности на 5000 словоупотреблений. Источником для анализа стали публичные выступления американских политиков: Д. Трампа, Дж. Байдена, Х. Клинтон, русских политиков: В.В. Путина, В.И. Матвиенко, М.В. Захаровой. Данный выбор объясняется схожим статусом коммуникантов (президенты, сенаторы). Были отобраны выступления как мужчин, так и женщин-политиков, чтобы удостовериться, влияет ли на процессы хеджирования гендерная принадлежность коммуникантов.

Анализ дебатов Д. Трампа показал, что процесс коммуникации выстраивается политиком в основном в субъектной перспективе (64 хеджа на 5000

словоупотреблений) (см. Рис.1), которая используется для реализации следующих функций: **субъективной оценки** (12 хеджей / 5000), ср.: *So **I think** that she will be outstanding.* (Я думаю, что у неё всё получится); **сокращения коммуникативной дистанции с аудиторией** (13 хеджей / 5000), ср.: *And **I will tell you**, I will take care of ISIS.* (Я заявляю, что я решу вопрос с ИГИЛ). *And **I will tell you**, that I'm going to make our country safe and we're going to have borders which we don't have now.* (Скажу вам так: я собираюсь сделать жизнь в нашей стране безопасной, и у нас будут защищённые границы, которых сейчас нет); **создание эффекта личного присутствия** (39 хеджей / 5000), ср.: ***I put a mask on when I think** I need it.* (Я надеваю маску, когда я думаю, что это необходимо). ***I hope we don't need them**, in terms of the election itself.* (С точки зрения самих выборов, надеюсь, что они нам не понадобятся).

Объектная перспектива в речи Д. Трампа реализуется с помощью следующих функций: **эвиденциальности** (13 хеджей / 5000), ср.: ***It's already been established.*** (Это уже установлено). ***They think** they're hurting us by keeping them closed.* (По их мнению, закрыв их, они причинят нам вред); **некатегоричности**, которая реализуется в основном с помощью хеджей **almost** (7 / 5000), ср.: *It is such a great question and it's maybe the question I get **almost** more than anything else.* (Хороший вопрос. Возможно, именно этот вопрос я получаю чаще всего). *I would say **almost** everything I see is from the left wing not from the right wing.* (Я бы сказал, что почти все действия спровоцированы левыми партиями, а не правыми); **оценки вероятности** (10 хеджей / 5000), ср.: *And **perhaps** sadly, Obama **probably** still listened to you.* (И, возможно, к сожалению, Обама, вероятно, все еще прислушивался к вам). *Because he said it's a **possibility** that we'll have the answer before November 1st.* (Потому что он сказал, что есть вероятность, что мы получим ответ до 1 ноября).

В целом, речь Д. Трампа характеризуется повышенной диалогичностью (17 хеджей / 5000). Можно предположить, что для данного политика выбор коммуникативной стратегии определяется его личными качествами.

Субъектная перспектива в речи действующего президента США Д. Байдена реализуется в основном с помощью функции «**манипулирования**» (30 хеджей / 5000), ср.: *The fact is that there is racial insensitivity. (Дело в том, что существует расовая нечувствительность). This man's done **virtually** nothing. (Этот человек практически ничего не сделал). And so you take a look at what he's **actually** done. (Посмотрите, что он на самом деле сделал).*

По сравнению с Д. Трампом, особенности речи Д. Байдена определяются объектной перспективой, в рамках которой реализуются следующие функции: **некатегоричность** (использование аппроксиматоров при оценке явления) (5 хеджей / 5000), ср.: *It's **a little bit** like how this guy and his friends look down on so many people. (Возможно, это выглядит так, как будто он и его друзья смотрят на других с высокока); эвиденциальность* (5 хеджей / 5000), ср.: *His own Homeland Security director, and as well as the FBI director, says that **there is no evidence** at all that mail-in ballots are a source of being manipulated and cheating. (По словам министра внутренней безопасности и директора ФБР, нет никаких доказательств того, что отправка бюллетеней по почте представляет собой источник манипуляций и мошенничества).*

Таким образом, в отличие от Д. Трампа, субъектная перспектива в области хеджирования в речи действующего президента США Д. Байдена менее выражена, как и его лидерские качества. В основном он позиционирует себя как часть правительства, используя местоимение *we* (66 / 5000). В целом, стратегия хеджирования в коммуникации, выстраиваемой Д. Байденом, направлена на создание эффекта некатегоричности, главной задачей представляется попытка избежать ответственности за представленную информацию.

В ходе исследования также были проанализированы дебаты (2016 г.) с участием американского политика и члена Демократической партии Х. Клинтон. В её речи ярче всего реализуется субъектная перспектива (53 хеджа / 5000). Было выявлено, что в процессе общения политик чаще всего стремится подчеркнуть **эффект личного присутствия** в процессе коммуникации (46 хеджей / 5000) с помощью личных местоимений **I** (164 / 5000) и **we** (92 / 5000), ср.: *I mean, I have a mask right here. (Я имею ввиду, что у меня с собой есть маска). There are children suffering in this catastrophic war, largely, I believe because of Russian aggression. (Я думаю, что дети страдают от ужасной войны, которая в основном спровоцирована агрессией со стороны России); субъективной оценки* (7 хеджей / 5000), ср.: *That was, I thought, a great display of presidential leadership. (Я подумала, что это отличный пример руководства со стороны президента). I think that would be a terrible mistake and take us backwards. (Я думаю, что это будет ужасной ошибкой, из-за которой мы сделаем шаг назад)*. По сравнению с Д. Трампом, в речи которого также ярко выражена субъектная перспектива, Х. Клинтон почти не использует **элементы диалогизации** (2 / 5000). Складывается ощущение, что Х. Клинтон не стремится установить контакт с аудиторией, но в ее случае главная цель коммуникации подразумевает выражение своей позиции и демонстрацию уверенности.

Анализ публичных выступлений президента РФ В.В. Путина показал, что основным принципом выбора хеджей, как и у Д. Трампа и Х. Клинтон является субъектная перспектива (44 хеджа / 5000). Президент РФ стремится подчеркнуть **личное присутствие** в процессе коммуникации, ср.: *Я считаю, что пересматривать здесь ничего не нужно, по большому счету, по принципам. Мне кажется, что всё, что я сказал, даёт все основания полагать, что это решение, к сожалению, опять носит скорее политический оттенок. Эта функция хеджирования выражена в коммуникации, выстраиваемой президентом, ярче всего (27 хеджей / 5000). Отличительная черта речи В.В. Путина заключается в том, что*

личные местоимения **я** и **мы** часто опускаются, в результате в его речи довольно высок процент определённо-личных односоставных предложений с тентативными глаголами в первом лице единственного или множественного числа: *считаю, знаю, полагаем, понимаем* (18 / 5000). Эффект личного присутствия также часто реализуется с помощью конструкций типа **на мой взгляд**, ср.: *Считаю некорректным для себя отвечать на эти вопросы, давая характеристики своим коллегам. Знаю, что в целом задача решена в срок. Он был скорее не государственный деятель, а революционер, на мой взгляд.* Таким образом В. В. Путин демонстрирует свой авторитет и проявляет лидерские качества.

Сравнение особенностей коммуникативных стратегий двух политиков-женщин – В.И. Матвиенко и Х. Клинтон – показало, что председатель Совета Федерации и Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко использует личные местоимения **я** и **мы** гораздо реже по сравнению с Х. Клинтон (*I* – 20, *we* – 86 vs *I* – 164, *we* – 92 на 5000 словоупотреблений). Ярче всего в речи В.И. Матвиенко реализуется функция **эффекта личного присутствия**, которая, как и у В.В. Путина, находит выражение в использовании **тентативных глаголов**, при этом личные местоимения могут опускаться, ср.: *Санкции, я считаю, – это признак слабости. Думаю, что настроение людей изменится в пользу вакцинации.* Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что В.И. Матвиенко использует местоимение **мы** чаще (11 на 5000 словоупотреблений), чем В. В. Путин, ср.: *Если у нас попросят совета, мы свое мнение выскажем. Считаем Белоруссию уважаемым суверенным государством, и считаем, что никто не вправе извне вмешиваться во внутренние дела этой либо другой страны.* Анализ выступлений В.И. Матвиенко позволяет сделать вывод о её готовности выразить и отстаивать своё мнение. Данный политик ассоциирует себя с правительством, позиционируя себя как его часть.

Анализ публичных выступлений М.В. Захаровой показал, что представитель российского МИД по сравнению с вышеописанными политиками

практически не использует личные местоимения **я** – 0 на 5000 словоупотреблений, **мы** – 12 на 5000 словоупотреблений. Несмотря на это, в речи М. В. Захаровой отчетливо реализуется функция **эффекта личного присутствия: tentative глаголы** в первом лице единственного числа (5 / 5000) и множественного числа (17 / 5000), ср.: *Думаю, нужно исходить из другой тактики – из официальной позиции Москвы по данному вопросу. Отмечаем высокую синхронизацию наших позиций в СБ ООН и ее Генассамблее. Считаем такие заявления абсолютно неприемлемыми, поскольку они противоречат общепринятой международной практике.* Анализ также показал, что М.В. Захарова часто использует элементы эвиденциальности, ср.: *Как известно, Движение талибов считает контингенты США и НАТО в Афганистане оккупационными силами. Особо настораживает отмечаемое в последнее время ухудшение санитарной обстановки в ряде стран, традиционно посещаемых российскими туристами.* Так, в своих выступлениях М. В. Захарова позиционирует себя как часть правительства, стремясь представить информацию как максимально объективную.

Рис.1 Распределение хеджей по функциям в рамках субъектной перспективы в устном политическом дискурсе

Рис.2 Распределение хеджей по функциям в рамках объектной перспективы в устном политическом дискурсе

В речи политиков традиционно ярко реализуется субъектная перспектива, которая чаще всего сводится к использованию хеджей в функции эффекта *личного присутствия*. В речи американских политиков данный эффект проявляется чаще всего с помощью хеджей *I think / we believe*, в то время как для русских политиков характерно использование определённо-личных предложений: *считаю, знаю, полагаю, понимаем*. Гендерные различия хеджировании выражаются в том, что женщины по сравнению с мужчинами реже используют хеджи в *функции оценки вероятности* и чаще позиционируют себя как часть правительства. В целом, необходимо отметить, что различия в реализации субъектной перспективы определяются *национальной принадлежностью* (т.е. процесс хеджирования культурно обусловлен), *статусом политика* (стремлением позиционировать себя как лидера или как часть правительства), *гендерной принадлежностью* и *личностными качествами*.

Объектом анализа также послужили хеджи в устном академическом дискурсе. Корпус примеров отбирался на основе видео панельных дискуссий: «Популяризация науки для школьников: проблемы и задачи» (Слёт просветителей),

«*The Economics of Covid-19*» (Oxford University) и лекций на тему: «*Теория речевой деятельности: современное состояние*» (Центр А.А. Леонтьева) и «*Justice: What's The Right Thing To Do?*» (Harvard University).

Анализ лекций (средняя длительность 60 минут) показал, что в данном жанре устного академического дискурса и в русскоязычной и англоязычной коммуникации ярче всего реализуется субъектная перспектива. Данный эффект в английском научном дискурсе чаще всего проявляется с помощью функций **субъективной оценки** (26 хеджей на видеофрагмент в среднем 60 мин.) (см. Рис.3), ср.: *I think it's still the same deal. (Я думаю, что это тоже самое); I don't think he is wrong, but I think murder is murder in any case. (Не могу сказать, что он неправ, но думаю, что в любом случае убийство остаётся убийством)*. Второй по частотности функцией является **сокращение коммуникативной дистанции с собеседником** (21 хедж / 60 мин.), ср.: *Now we need to begin to investigate the reasons why you think it's the right thing to do. (Теперь нам нужно понять причины, которые дают вам основания думать, что это правильно). Let's assume, you know that for sure. (Предположим, что вы знаете это наверняка)*. В целом, можно отметить, что представители англоязычного научного сообщества в процессе устной коммуникации стремятся снизить категоричность в выражении отношения к представляемой информации, а также установить более близкий контакт с аудиторией.

В русскоязычной коммуникации субъектная перспектива ярче всего реализуется с помощью функции **сокращения дистанции** (13 хеджей / 60 мин.), ср.: *Если я вам хочу рассказать о телефоне, то я использую знаки языковые и неязыковые*. Данная функция чаще всего выражается с помощью риторических вопросов, ср.: *Можно ли сформировать содержание без слов? Первый вопрос: «Что есть психолингвистика?»*. Помимо этого, представители русскоязычного академического сообщества в рамках лекций в качестве субъектной перспективы часто используют хеджи в функции **эффекта личного присутствия** (19 хеджей /

60 мин.), ср.: *Скажем так, в теории речевой деятельности сформирован и методологический, и теоретический аппарат. Я надеюсь, что они будут компенсировать недостатки друг друга.*

Таким образом, хеджи в рамках субъектной перспективы служат задаче установления контакта с аудиторией (как правило, студенческой). Общий принцип построения данной перспективы выражается в использовании функции сокращения коммуникативной дистанции. Основные расхождения проявляются в способе выражения оценки / мнения в процессе коммуникации и вовлечения аудитории в мыслительные и дискуссионные процессы.

Анализ видео панельных дискуссий показал, что коммуникация (устная) и в этом случае определяет доминирование субъектной перспективы (см. Рис.3). Самым распространенным приёмом является *расстановка акцентов* с помощью ряда слов-интенсификаторов (см. приём манипулирования в политическом дискурсе) (56 хеджей / 60 мин.), ср.: *Normal recessions **actually** affect men a lot more than women. (Обычно экономический спад сказывается на мужчинах в гораздо большей степени, чем на женщинах). It's not going to solve it **especially** as long as the economy's in lockdown. (Проблема не будет решена, особенно с учётом состояния экономики в период локдауна); субъективной оценки* (48 хеджей / 60 мин.), ср.: *I **think** it's a much more complicate. (Я думаю, что всё намного сложнее). I **think** there's going to be a lot more inequality. (Я думаю, что неравенство будет значительно усиливаться).* Так, представители английского академического сообщества выражают оценку ситуации как субъективную, представляя её в качестве личного мнения, не навязывая её аудитории. Наряду с этим, использование подчеркнуть направление мысли, привлечь внимание аудитории к главному.

В русскоязычном академическом дискурсе в рамках панельной дискуссии также отчётливо проявляется субъектная перспектива в виде приёма *субъективной оценки* (29 хеджей / 60 мин), ср.: *Мне кажется, вопрос даже не в*

тех метафорах. Мне показалось, что не прозвучал очень важный момент, который для меня является проблемой.; эффект личного присутствия (25 хеджей / 60 мин), ср.: Я бы обозначил противоположную сторону проблемы. Тем не менее, я знаю уже несколько людей среди моих знакомых, которые говорят, что им это интересно. Таким образом, основная перспектива устной коммуникации в англоязычном и русскоязычном академическом сообществе совпадает, как и приёмы её реализации. К выявленным различиям можно отнести высокую частотность использования эффекта личного присутствия в научных дискуссиях на английском языке.

В рамках объектной перспективы в лекциях и панельных дискуссиях представители как русскоязычного, так и англоязычного академического сообщества чаще всего реализует функцию некатегоричности (рус. академический дискурс – 74 хеджей / 120 мин.; англ. академический дискурс – 89 хеджей / 120 минут), (см. Рис. 4), ср.: Наверное, нужно что-то делать на уровне университета. Эта проблема почти всегда решаема. Let's look at a bit of a positive note. (Давайте рассмотрим позитивную сторону). I almost feel like there is no United States right now. (Мои ощущения на грани того, что сейчас Соединенных Штатов не существует).

Рис. 3 Распределение хеджей по функциям в рамках субъектной перспективы в устном академическом дискурсе

Рис. 4 Распределение хеджей по функциям в рамках объектной перспективы в устном академическом дискурсе

В целом, хотелось бы отметить, что устный академический дискурс и в русскоязычной, и англоязычной коммуникации строится на сочетании субъектной и объектной перспектив, однако субъектная перспектива в незначительной степени преобладает во всех вышеописанных форматах. Самой важной функцией в рамках объектной перспективы является *некатегоричность*, в рамках субъектной перспективы самой высокой частотностью обладает функция *субъективной оценки*. Основными факторами, определяющими выбор хеджей, являются: *формат выступления* (лекции – студенческая аудитория; панельные дискуссии – коллеги-ученые), *национальная принадлежность говорящего*.

Таким образом, хеджирование является универсальной стратегией, которая обеспечивает успешность коммуникации в устном дискурсе. В ходе исследования было выявлено, что в процессе устной коммуникации в политическом и академическом дискурсе чаще всего реализуется субъектная перспектива. В политическом дискурсе самыми частотными функциями хеджирования являются *эффект личного присутствия, некатегоричность и «манипулирование»*. В

академическом дискурсе ярче всего реализуются следующие функции: **некатегоричность и субъективная оценка**. Основные факторы, определяющие выбор хеджей, заключаются а) для политиков в: **национальной и гендерной принадлежности говорящего, занимаемой должности и его личных качествах**; б) для представителей академического дискурса в: **формате выступления, национальной принадлежности**.

Литература:

1. Новикова Л.В. Коммуникативные постулаты прагмалингвистики через призму категории «недосказанность (understatement)» // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – №2. – 2013. – С. 11-16.
2. Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н. Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждение высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с.
3. Hyland K. Nurturing hedges in the ESP curriculum. // System. – 1996 – № 24 (4). – P. 477- 490.
4. Lakoff D. Hedges: A study in meaning criteria and logic of fuzzy concepts. // Journal of Philosophical Logic. – 1972 – № 2(4). – P. 458-508.
5. Vartalla T. Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variation according to Discipline and Intended Audience: Doctoral Dissertation. Tampere: University of Tampere, 2001. 321 p.